

Совершая столь мелкие, жалкие движения, на лице он при этом изображал испуг и страх.

Полагая, что так Ин Юй сможет заставить его отпустить, он никак не ожидал, что противник схватится только крепче.

Ин Шицзянь разъярился не на шутку и, ухватив сына, попытался оттащить его.

Ин Юй намертво вцепился в ногу Ци Лэ: — Лэ-лэ, спаси меня! По сравнению с силой отца Ци Лэ, те два пинка от него были для него сущим пустяком.

Ци Лэ с затрудненным выражением лица заискивающе посмотрел на пожилого мужчину: — Господин Ин, он понял, что был неправ, вы бы...

— Да ни черта он не понял! — Ин Шицзянь силой оттащил сына. Кто вообще разрешал этому ублюдку прикасаться к Ци Лэ?!

— Папа, я знаю, что был неправ! Я правда зна-а — ау! — его и без того истерзанный зад получил еще один удар, от боли Ин Юй аж подпрыгнул и, ухватившись за Ци Лэ, спрятался за его спиной.

— Лэ-лэ, ты у меня самый лучший, скорее спаси меня...

Только сейчас вспомнил, какой я хороший?

Ци Лэ холодно усмехнулся про себя, но всё же заслонил подонка спиной.

Он придержал руку пожилого мужчину: — Не сердитесь так, берегите здоровье.

Услышав это, Ин Шицзянь не знал, радоваться ему или огорчаться. Первой реакцией малыша было вовсе не то, что его обидели, а забота о том, чтобы он не подорвал здоровье?!

Как можно было изрыгать такие скверные слова на столь послушного и милого человека?!

На фоне этого мерзкого сынковьего сравнения Ин Шицзянь проникся к Ци Лэ еще большим сочувствием, а от прячущегося за его спиной сына у него и вовсе зубы от злости сводило.

Сегодня он непременно проучит этого ублюдка ради Ци Лэ!

Ин Шицзянь отодвинул Ци Лэ в сторону, указал тапкой на дрожащего сына и мрачно спросил: — Ну? В чем ты виноват?

— Я виноват... — Ин Юй вдруг замялся, не находя слов.

Стоило отцу появиться, как он без лишних слов устроил ему жестокую трепку — тот до сих пор сидел с совершенно ошарашенным видом!

Видя, что он мямлит, Ин Шицзянь уже занес руку для нового удара, но Ци Лэ удержал его. Ему оставалось лишь изо всех сил подавлять ярость: — Ты до сих пор не знаешь, в чем твоя вина?

Да откуда мне знать, в чем я виноват! — Ин Юй смел огрызаться лишь про себя, лицо его было смертельно бледным, он действительно понятия не имел, в чем провинился.

Видя, что сын молчит, Ин Шицзянь всё понял.

Выходит, он лупил его столько времени, а этот ублюдок мало того что не раскаялся, так еще и заставил Ци Лэ заступаться за него!

Он вырвал руку из хватки Ци Лэ и со всего размаха опустил тапку прямо на руку Ин Юю, но тот увернулся и снова спрятался за спину Ци Лэ.

Ци Лэ и самому было противно от прикосновений этого подонка, к тому же Ин Юй вцепился в его одежду. Сообразив, что к чему, он нарочно качнулся вперед и сделал вид, что оступился. Увидев, что Цлэ, оттолкнутый сыном, сейчас упадет, Инь Шицзянь молниеносно подхватил его, запустил в негодного отпрыска зажатой в руке тапочкой и взъярился: Пока не осознаешь свою ошибку, можешь даже не пытаться выйти из этой двери!

Инь Юй, прикрыв голову руками, спрятался за диваном, совершенно потрясенный фокусами Цлэ!

Цлэ прижался к груди Инь Шицзяня и мягким голосом произнес: Господин Инь... Он не со зла, не расстраивайтесь так.

Лицо Инь Шицзяня помрачнело, и он рявкнул на сына: А ну встань смирно!

Отцовский авторитет неизменно внушал Инь Юю трепет, поэтому он выпрямил спину и прижался к стене почти рефлекторно.

Это до боли напоминало наказание, когда школьника ставят в угол.

Находясь в объятиях пожилого мужчины, Цлэ бросил на Инь Юя лукавый взгляд, в котором на мгновение мелькнула хитринка.

Господин Инь... Выбравшись из объятий мужчины, он принялся заступаться за Инь Юя: Не бейте его больше. Такой взрослый парень, а вы его по задке лупите — ему же наверняка обидно.

В его устах это звучало так, будто Инь Юй оттолкнул его именно из-за накопившейся обиды.

Инь Шицзянь сердито зыркнул на Цлэ: Какой же ты у меня простофиля.

Цлэ усмехнулся: Он ведь все-таки ваш сын, верно?

Вспомнив вчерашние не по годам мудрые слова Цлэ, Инь Шицзянь снова уставился на сына: Чему ты только набираешься? Вечно перенимаешь повадки всякой уличной шпаны!— Успокойся, ты ведь уже в возрасте, не стоит злиться по пустякам, как ребёнок.

Ци Лэ сейчас вёл себя крайне послушно, что доставило старому мужчине немалое удовольствие.

Инь Юй, прожигая отца взглядом и наблюдая за их близким поведением, чувствовал, как с каждой секундой всё сильнее укореняется какое-то странное предчувствие.

Почему его отец оказался голым в доме Ци Лэ?

Неужели всё действительно так, как он подумал, и Ци Лэ в самом деле соблазнил его отца?!

Лицо Инь Юй помрачнело: не прошло и двадцати часов с момента их расставания, как Ци Лэ нашёл себе другого мужчину. Он не мог проглотить эту обиду!

Инь Шицзянь посмотрел на упрямое выражение лица сына и мрачно спроицировал:

— Теперь ты понимаешь, в чём был неправ?

Услышав это, Ци Лэ тоже перевёл на него взгляд, а в его глазах отчётливо читалось торжество.

Инь Юй крепко закусил губу и наконец выдавил из себя:

— Старый, а стыд потерял.

Лицо Инь Шицзяня стало ещё чернее:

— Повтори-ка ещё раз.

— Ци Лэ, вы путаетесь с моим отцом, тебе самому не противно?!

Его настроение и без того было испорчено заточением в подвале, а в доме Ци Лэ он не только застал их с поличным, но ещё и огрех отхватил. Сейчас Инь Юй был взбешён до предела.

— Ещё вчера ты был со мной, а сегодня кувыркаешься с моим отцом — неужели у тебя настолько сильный недотрах?! Едва это прозвучало, Инь Шицзянь схватил со стола коробку с салфетками и швырнул её в сына.

— Я столько лет тебя не воспитывал, а у тебя изо рта одно дерьмо летит! — яростно выкрикнул он, и его грудь тяжело задышала.

С каких пор этот сын превратился в такое ничтожество?

Вспомнив, как сильно он баловал сына в последние годы, Инь Шицзянь почувствовал, что гнев разгорается с новой силой.

Это всё из-за его собственного попустительства!

Инь Шицзянь быстрыми шагами подошёл к сыну, схватил его за воротник и потащил к Ци Лэ.

- Извинись перед Ци Лэ!

Инь Юй дёргался, пытаясь высвободиться, и с покрасневшими глазами выпалил в ответ:

- С какой стати мне извиняться?! Ты ведь сам совершил ошибку!

Он же его собственный парень, а отец...

Атмосфера между отцом и сыном вмиг накалилась до предела.

Инь Шицзянь с мрачным лицом произнёс:

- Похоже, ты до сих пор не понимаешь, в чём не прав.

- А ты?! - взревел Инь Юй с покрасневшими глазами.

Он чувствовал себя жутко преданным! И ведь кто изменил ему? Собственный отец!

Лицо Инь Шицзяня почернело ещё сильнее, он замахнулся, собираясь снова дать сыну пощёчину.

- Господин Инь, оставьте, - Ци Лэ торопливо удержал его за руку. - Он ведь всё-таки ребёнок.

Ни в коем случае нельзя упускать этого подонка! - мысленно добавил Ци Лэ.

- Мне не нужны твои фальшивые соболезнования! - сверкнул глазами Инь Юй. Вообще-то он только что даже не толкал Ци Лэ.

Ци Лэ закусил губу и дрожащим голосом произнёс:

- Я знаю, что ты всегда ненавидел меня...

- Ци Лэ, твою мать! - Инь Юй вышел из себя.

Услышав ругань сына, Инь Шицзянь закрыл ему рот рукой.

- Натешился?

Лицо мужчины помрачнело до устрашающего вида, и он чеканил каждое слово:

- Я позволял тебе бесчинствовать столько лет неужели ты и правда думал, что я не посмею с тобой расправиться?

Инь Юй указал на Ци Лэ и взбешенно закричал на отца:

- Из-за него ты за последние два дня уже несколько раз меня ударил!

Говоря это, он не удержался, и из глаз брызнули слёзы.

Черт возьми, он не хотел плакать, но слёзы совершенно не слушались.

Инь Шицзянь тут же притянул к себе руку Ци Лэ, показывая её сыну, и холодно спросил:

- Посмеешь сказать, что это не ты его избил?

- Ты оскорблял Ци Лэ, бил его до травм, а то, как ты ругал его только что в ванной, я тоже слышал. Ты всё ещё считаешь себя правым?

- Я твой сын, а он мой парень!

- Мы уже расстались, - вклинился Ци Лэ.

Глядя на плачущего Инь Юя и вспоминая всё, через что ему самому пришлось пройти, он почувствовал тупую боль в груди.

- Ты никогда меня не любил.

- Ты же говорил, что любишь меня! - изо всех сил заорал Инь Юй.

Ци Лэ всегда терпеливо сносил от него всё, поэтому ему и хотелось над ним измываться, но то, что этот человек всего за один день стал таким расчётливым, никак не укладывалось в голове.

- Больше не люблю, - Ци Лэ опустил глаза.

Его сердце умерло в тот самый момент, когда Инь Юй толкнул его на пол.

Инь Шицзянь уже успокоился. Увидев лицо Ци Лэ, полное боли, он почувствовал, как сердце пронзило резкой болью.

Заметив жалость во взгляде старого мужчины, Ци Лэ горько усмехнулся про себя и сказал Инь Юю:

- Вы даже сошлись-то ради глупого пари.

Инь Юй вздрогнул. С каких пор об этом стало известно?

Услышав это, Инь Шицзянь устремил на сына леденящий взгляд:

- Тебе ещё есть что сказать?

- Я... - взгляд отца наводил на Инь Юя суеверный ужас, и он опустил голову. - Прости.

В нынешней ситуации оставалось только извиниться, чтобы унять гнев отца.

- Ты у кого прощения просишь?

- Я...

- Господин Инь, - Ци Лэ прервал Инь Юя и, долго глядя на него, легко вздохнул. - Господину Иню не нужно больше заставлять его силой. Он ваш сын, думаю, вы знаете его характер лучше меня.

Инь Юй зыркнул на него с недобрым предчувствием и не удержался от угрозы:

- Ци Лэ, что ты задумал?

- Я... - Ци Лэ побелел от страха и беспомощно посмотрел на Инь Шицзяня.

Инь Шицзянь бросил на сына свирепый взгляд, и тот немедленно умолк.

- Что нужно сделать, чтобы твой гнев утих?

Ци Лэ покачал головой:

- Вы его уже наказали, я...

- Нет, - твёрдо произнёс Инь Шицзянь. - Иначе он так ничему и не научится.

- Но... - Ци Лэ выглядел крайне растерянным. - Я ведь тебе никто...

Инь Шицзянь замер на секунду, а затем прищурился.

- Кто сказал, что никто? - он притянул Ци Лэ к себе. - Он мой сын, значит, тебе он тоже сынок.

Едва это прозвучало, гостиная погрузилась в кратковременное молчание.

Инь Шицзянь зыркнул на сына:

- Извинись перед своим маленьким папашей!

Какого чёрта перед маленьким папашей! Инь Юй ткнул пальцем в Ци Лэ и взъярился:

- Ци Лэ, ты, мать твою, совсем стыд потерял?! Он же мой отец!

- Как ты разговариваешь с отчимом? - лицо Инь Шицзяня помрачнело, и он снова встряхнул Инь Юя за воротник.

- Да ты сам! Ты вообще совесть имеешь?! - Инь Юй испытал целую бурю противоречивых чувств. Один — его папа, другой — бывший парень. Какая же мерзость!

Ци Лэ встал на защиту старого мужчины:

— Инь Юй, ты можешь ругать меня, но он твой отец.

— У тебя нет права меня поучать!

— Инь Юй! — в голосе Инь Шицзяня прозвучала скрытая ярость. — Извинись перед Ци Лэ!

— Не стоит терзать ребенка. — Как бы не так! — мысленно добавил Ци Лэ. — Этот подонок даже перед лицом неминуемой расплаты ведет себя так нагло! Сегодня он непременно заставит ублюдка назвать его папочкой!

Заметив на лице Ци Лэ беспокойство, Инь Шицзянь ответил ему успокаивающим взглядом, а затем снова посмотрел на сына и сурово произнес:

— Сам натворил дел — сам и расхлебывай последствия. Извинись перед Ци Лэ.

— А если я не извинюсь, и что ты мне сделаешь?! — огрызнулся Инь Юй. Он считал, что абсолютно прав!

Не извинится? Прекрасно.

Инь Шицзянь скрипнул зубами, наклонился, поднял валявшийся рядом тапочек и со всего маху врезал Инь Юю по заднице.

На этот раз Инь Юй взорвался и ударил отца в кулак.

Наблюдавший за представлением Ци Лэ внутренне сжался и поспешил разнять их, в результате чего принял удар на себя, получив от Инь Юя по полной программе.

Он с размаху рухнул прямо в объятия Инь Шицзяня.

Блин! Ты вообще пришел разнимать их или подыгрывать?! — мысленно выругался Ци Лэ, но на лице изобразил крайнюю степень слабости.

Инь Шицзянь испугался не на шутку и принялся осматривать его, смертельно боясь, что этот непутевый сынок не рассчитал силы и снова покалечил Ци Лэ.

— Я в порядке, не нужно волноваться, — слабо улыбнулся Ци Лэ.

Про себя же он думал совсем о другом: в порядке черта с два! Ему было дико больно! Если он не оплатит подонку той же монетой за все издевательства, то перестанет быть Ци Лэ!

В глазах Инь Шицзяня Ци Лэ выглядел таким послушным и заботливым, отчего сердце мужчины сжималось одновременно от гнева и жгучей жалости.

Он злился из-за собственного упущения в воспитании, вырастившего такого мерзавца-сына, и в то же время сокрушался, что Ци Лэ по глупости подставился под удар вместо него.

Инь Юй, ударив Ци Лэ, и сам растерялся; заметив на лице парня выражение боли, он почувствовал панику.

— Ты сам полез... — Взгляд отца был остер, как клинок, и под этим прицелом голос парня начал стихать.

На этот раз Инь Шицзянь не стал его бить, лишь окинул сына холодным, пронизывающим взглядом, а затем, подхватив Ци Лэ на руки, уселся с ним на диван.

Ци Лэ послушно устроился у него на груди и из-за плеча так, чтобы старый мужчина не видел, бросил на Инь Юя вызывающий взгляд и победно ухмыльнулся. Тот остолбенел: до него дошло, что только что Ци Лэ просто притворялся, и теперь ему хотелось схватить этого наглеца за шкирку и хорошенько отметелить.

Стоило мужчине опуститься на диван, как его тяжелая, давящая аура заполнила все вокруг.

Инь Шицзянь поднял взгляд на стоявшего сына и холодно спросил:

— Надеюсь, правила семьи Инь ты не забыл?

Поняв, о чем говорит отец, Инь Юй недоверчиво уставился на него. Он уже было поднял руку, чтобы указать на Ци Лэ, но под суровым отцовским взглядом тут же опустил ее.

— Папа, мне ведь уже восемь лет исполнилось!

— А мне в этом году всего тридцать шесть, — холодно отозвался Инь Шицзянь, поднимая на него глаза. — Ты уже совершеннолетний, и всё, что я обещал, я для тебя сделал.

Ци Лэ аж за глаза закатил от любопытства: у этой парочки отца и сына явно имеются свои секреты...

Инь Юй опустил голову и молчал.

Ци Лэ бросил вороватый взгляд на старого мужчину — и тут же столкнулся с ним глазами.

Их взгляды встретились, и Ци Лэ тут же отвел лицо.

Держись, нельзя паниковать! Его цель — всего лишь месть.

Мужчина был поистине хорош собой, а глубина и нежность в его глазах чуть было не заставили Ци Лэ растаять.

Он слегка хлопнул себя по щекам, мысленно обозвав себя падкастым на внешность дураком!

Инь Шицзянь не знал, о чем тот думает, но от вида его мелких уловок сердце мужчины невольно оттаяло.

Спустя два года ожидания Ци Лэ наконец стал его.

Инь Юй смотрел на них, и в груди поднималось какое-то странное, непередаваемое чувство.

Долгое время спустя он перевел взгляд на Ци Лэ и сквозь зубы выдавил:

— Ма-ам... то есть, папа.

Голос звучал тихо, как жужжание комара.

Инь Шицзянь нахмурил брови:

— Неискренне.

— ... — Инь Юй молчал, переводя взгляд на Ци Лэ.

Ци Лэ ответил ему дерзкой усмешкой. Он всё еще до конца не верил, что ему удалось так легко заставить ублюдка назвать себя отцом.

— Ма... па... — это слово вылетело словно из-под забора, с трудом протиснувшись сквозь зубы.

Но Ци Лэ этого оказалось мало.

Он послушно сидел на диване и произнес:

— Господин Инь, мне кажется...

— Что тебе кажется? — Инь Шицзянь посмотрел на него, а затем перевел взгляд на сына. — Ты считаешь, что он неискренен, верно?

Верно черта с два!

Ци Лэ улыбнулся:

— Раз уж он не хочет, не стоит его принуждать. Кто же не умеет строить из себя невинную белую лилию? Неужели только эта Юй Тун способна на такое?

Инь Шицзянь приподнял бровь, искоса глядя на сына, и бросил:

— Не хочешь?

Инь Юй вытаращил глаза — где уж ему было заикнуться о том, что он не хочет.

Если кто-то еще посмеет сказать, что Ци Лэ мягкотелый и об него можно вытирать ноги, он лично поберет этого смельчака и разобьет ему башку!

Да этот Ци Лэ — просто чистый демон!

Маленький демон послушно сидел на диване, помахивая демоническим хвостом, и продолжал заступаться за своего обидчика:

— Господин Инь, со мной всё в порядке.

Инь Шицзянь опустил взгляд на него: малыш смотрел так искренне, казалось, он и вправду ни капельки не держит зла. Но если малыш не держит зла, то сам он — очень даже держит.

Мужчина зыркнул на сына:

— Натворил дел — отвечай за поступки сам.

От этого взгляда у Инь Юя чуть подкосились ноги, и он поспешно уткнулся в пол, не смея встретиться с отцом глазами.

Видя жалкий вид поверженного подонка, Ци Лэ внутренне ликовал. Он подался к самому уху старого мужчины и шепнул:

— Не дави на него так сильно. Я ведь всё-таки прихожусь Инь Юю старшим, неудобно как-то получается.

Голос Ци Лэ от природы был мягким и нежным, а когда он говорил шепотом, его дыхание касалось уха Инь Шицзяня, обдавая кожу теплом и вызывая легкий зуд.

Инь Шицзянь почувствовал легкий трепет в груди и легонько щелкнул парня по носу:

— Какой же ты глупый, тебя обижают, а ты еще и заступаешься за него, дурашка.

Инь Шицзянь говорил вполголоса, так что слышать его мог только Ци Лэ.

А Инь Юй, продолжавший отбывать наказание в виде стояния столбом, наблюдал, как эта парочка шушукается, и чувствовал себя так, будто его стошнило помоями!

Кто-нибудь, объясните ему, этот человек с расплывшейся в улыбке физиономией — точно его безжалостный, ледяной отец?!

Инь Юя трясло от бешенства, но он был вынужден молчать в тряпочку.

Потому что он смертельно боялся этих изощренных штук Ци Лэ.

— Инь Юй, твой папа делает это ради твоего же блага, тебе не следовало с ним драться, — с видом умудренного старшего произнес Ци Лэ.

Подобных речей о моральном долге он наслушался с самого детства, так что сыпал ими направо и налево.

Услышав это, Инь Юй приоткрыл рот, едва не выдав классическое бляха-муха. Если бы не наблюдавший за ним отец, он бы прямо сейчас продемонстрировал Ци Лэ весь свой запас нецензурной лексики!

Эту черную ложку он преподнес так гладко, будто она была белее снега!

Инь Шицзянь заметил, как переменилось лицо сына, и холодно хмыкнул:

— Попроси прощения у своего младшего папы, и на этом мы закроем вопрос.

Инь Юй заскрежетал зубами, но понял, что терять ему уже нечего.

— Младший... папа, прости! — Если он сейчас же не подчинится, кто знает, какие еще фокусы выкинет этот Ци Лэ. Впереди еще уйма времени, он не верит, что ему не удастся поймать Ци Лэ на какой-нибудь оплошности.

— Э-э-э... — Ци Лэ едва не расхохотался в голос.

Ох уж это сладкое чувство, когда подонки называют тебя папашей!

Ци Лэ протянул свое «э-э-э», а Инь Юй заскрипел зубами от злости.

Инь Шицзянь смахнул с одежды невидимую пылинку и бесстрастно произнес:

— Если я еще хоть раз узнаю, что ты вытворяешь глупости, ты прекрасно знаешь, чем это закончится.

Инь Юй сжал зубы, отвернулся и промолчал.

Злость в душе Ци Лэ изрядно улеглась, и теперь ему больше не хотелось прижиматься к старому мужчине. Как раз в этот момент раздался телефонный звонок, и он с аппаратом в руке ушел отвечать в спальню.

— Лэ-лэ, когда ты вернемся домой?

Из трубки донесся раздраженный голос второго брата. Ци Лэ бросил взгляд на оставшихся в комнате мужчин и прикрыл динамик рукой:

— Второй брат, приезжай за мной вечером.

Переспав со старым мужчиной и отомстив подонку, он выпустил пар, и теперь нужно было срочно делать ноги отсюда, пока старый мужчина ничего не заподозрил.

— Я на съемках, попрошу Хо Чэня заехать за тобой.

Второго брата Ци Лэ звали Ци Шэн, он был актером. Едва дебютировав, он взлетел на волне бешеной популярности и сейчас уверенно покорял шоу-бизнес. А Хо Чэнь — восходящая звезда экрана и однокурсник его брата. Они дебютировали вместе и с тех пор неизменно поддерживали образ экранной пары.

Ци Лэ мгновенно отказался:

— Не надо мне от него помощи. Тот тип слишком скользкий.

— ...Я тебя совсем избаловал, да? — выругался Ци Шэн. — После каминг-аута домой носа не казал, целыми днями шляешься черт знает где, и еще смеешь так уверенно разговаривать?!

— Ты сам-то тоже вечно пропадаешь черт знает где, — огрызнулся Ци Лэ.

— Я вообще-то работаю! — Ци Шэн чуть кровью не харькнул от его слов. — Между прочим, до меня дошли слухи, что ты опять отирался по барам. Смотри у меня, я всё расскажу старшему брату!

Упоминание второго брата навело Ци Лэ на мысли о старом мужчине. Он заговорщическим тоном прошептал в трубку:

— Второй брат, скинь-ка мне красный конверт с деньгами.

— ...И что за красный конверт тебе понадобился, Лэ-лэ? — раздался в трубке низкий мужской голос.

Ци Лэ опешил:

— Это ты... — Обладателем голоса оказался Хо Чэнь. Похоже, он снова был на съемочной площадке вместе со вторым братом.

— Твою мать, ты чего творишь?!

Похоже, они там отнимали друг у друга телефон.

— Хочу и делаю.

Ци Лэ передернуло от отвращения, и в этот момент он заметил, что старый мужчина смотрит прямо на него. Ци Лэ улыбнулся ему, показывая жестом, что разговор почти закончен.

Внезапно из телефона донесся звонкий звук пощечины, за которым последовал едва ли не истеричный рев второго брата:

— Хо Чэнь, чтоб твою мать!

Слушая их перепалку, Ци Лэ просто сбросил вызов.

В мире шоу-бизнеса Хо Чэнь создал себе образ мягкого и учтивого человека, но Ци Лэ прекрасно знал, насколько этот тип мерзкий и двуличный.

Ци Лэ понятия не имел, действительно ли его второй брат крутит роман с Хо Чэнем, но это не мешало ему искренне недолюбливать Хо Чэня. Ему казалось, что тот просто использует его брата в корыстных целях, однако сам Ци Шэн уверял, что между ними исключительно деловые отношения, так что Ци Лэ больше не лез с критикой.

Вроде бы такой симпатичный парень, а душа — чистый злодей.